Перевернутый мир

Автор:
Евгения Михайлова

Перевернутый мир

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Ради выгоды Алиса заводит отношения с бизнесменом, но продолжает страстно любить своего мужа-режиссера. Чтобы удержать его, она готова на все… Марина бросает супруга ради красавца-следователя, но их бурный роман обрывается на трагической ноте, когда ее возлюбленный становится калекой… Катя строит карьеру киноактрисы, но кто-то отчаянно ненавидит юную талантливую красавицу. Ценой успеха может оказаться ее жизнь… Переплетение судеб похоже на паутину, в которой кто-то запутается и погибнет, а кто-то будет дергать за ниточки, веря в свою избранность и неуязвимость. Но справедливость рано или поздно восторжествует…

Евгения Михайлова

Перевернутый мир

Все персонажи и события романа вымышленные. Совпадения с реальными людьми и фактами случайны.

Часть первая

Арсений

Мой мир был сложным, тесным и безразмерным, с неудобными, острыми краями. Он был глубоким, ярким, всегда неожиданным. В нем боль шла сразу за опасностью. За недолгим забытьем следовало ослепительное откровение, за ним – короткая, как выстрел, страсть. В моем мире всегда были риск смерти и вера в победную жизнь. Другая жизнь мне была не нужна. Обыденность, скука, зависимость и неподвижность просто не существовали.

В моем мире был крошечный островок семьи, квартиры, причудливого сплетения разных, очень мало похожих и плохо совместимых характеров. Расставания, встречи, запах кофе над звоном чашек и аккордами раздраженных или возбужденных голосов. Условные, очень относительные друзья за большим столом по праздникам. Слова, что произносятся не всерьез и им никто не собирается верить. Настоящая дружба настигала меня в других местах и в час серьезных испытаний.

Домашний островок я рассматривал сверху, с высоты своих ста девяноста сантиметров. Смотрел, как расползается в ширину жена Зинаида, которую встретил стройной как тростинка. Как тянется вверх забавное и пахнущее родным теплом существо с круглыми черными глазами – дочь Катя: сначала становится гадким утенком с неправильным прикусом и неудобными, какими-то чужими руками и ногами, а затем из уродства, как из пены, выходит осторожная и нежная прелесть, окруженная колючками недоверия и подозрений.

На каком месте небес накопилось столько ярости против меня, что однажды я оказался погребенным под руинами собственных достижений, стремлений и желаний? Застывшим под тяжелыми и горькими на вкус булыжниками, сброшенными на меня теми, кто пожалел мне более легкой участи и спасительной пули.

Мой мир перевернулся. Я смотрю на него снизу. Вверху – постылый и окончательный, как могильная плита, потолок моей квартиры. Там широкое, чаще всего злое лицо жены Зинаиды и отстраненное личико дочери Кати. Оно все еще нежное, но не для меня. Мы оба отводим глаза, чтобы не встречаться взглядами. Я боюсь увидеть в глазах дочери брезгливость, она, быть может, – мольбу об участии, которой во мне нет. Я калека. Безногий инвалид,

прикованный к креслу. Я шагнул в свой подвиг и был награжден за смелость не смертью, а унижением ампутации, оставившей на поверхности земли только часть человека, которым был я.

Мои бывшие коллеги, верные соратники так и не разобрались в том, что произошло. Группа захвата под моим руководством выехала на место по якобы совершенно точной и проверенной информации. Давно разыскиваемый поставщик оружия ОПГ разных стран был выслежен вместе с очередным смертоносным грузом и окопался в заброшенном, как было сказано в ориентировке, доме на границе Московской области, практически в лесу.

Мы приехали туда поздно вечером. В доме тускло горели два окна. Я дал команду распределиться по периметру и приготовиться к захвату. За грязной занавеской одного окна мелькнула тень мужчины. В руках он держал то ли винтовку, то ли охотничье ружье. Я выжидал, чтобы понять, кто еще есть в доме, сколько там может быть человек, с каким оружием. И вдруг произошло что-то непонятное, почти невероятное. В доме раздался хлопок, как от бытового газа. И пожар мгновенно охватил все – тонкие деревянные стены, тряпье на окнах… Пламя пробивалось сквозь дырявую крышу. Я вызвал пожарников, включая вертолеты, дал знак бойцам отойти на безопасное расстояние и быть готовыми брать тех, кто побежит из огня прямо в наши руки. Никогда не забуду тот момент, когда из центра пожара раздался пронзительный, отчаянный детский крик.

Вертолет уже кружился над нами, но стены рушились. Речь шла о секундах. Я набил носовой платок снегом, зажал его в зубах, выбил в окно и прыгнул в комнату. Чуть не наступил на тело женщины, которая скорчилась на полу. Она была жива. Я нащупал пульс, схватил ее, как мешок с мукой, и выбросил из окна как можно дальше. Сам пошел в дыму и огне на то место, откуда, мне казалось, донесся детский крик. И наткнулся на крошечный скулящий комочек. Рассмотрел под ногами: на ребенке горели все его тряпочки. Срывал их голыми руками, потом завернул обнаженное тельце в свою куртку, успел передать в окно уже подъехавшим пожарникам. Сам еще на мгновение оглянулся: вдруг успею увидеть еще кого-то, пока не рванул тот самый склад оружия, о котором нам сообщили. И тут прямо передо мной возник человек в чем-то черном, явно защитном. В руках у него был ствол. И стрелял он профессионально и прицельно по моим коленям… Невероятная боль… Дальше долгая темнота.

Когда товарищи навестили то, что от меня осталось после ампутации, они как будто со стыдом отводили глаза. Та самая проверенная, с высшего уровня информация оказалась ложной. Никакого оружия в сгоревшем доме не нашли. Только тело нелегального мигранта, который никак не мог быть стрелком: его убили до пожара выстрелом в грудь. Рядом лежало охотничье ружье, из которого он, видимо, и собирался защищать себя и свою семью. Жену и ребенка, которых я спас. Женщина не могла дать внятных показаний, рыдала, кричала, она поняла лишь то, что на них кто-то напал и поджег дом.

А стрелка они упустили! Не обнаружили никаких его следов. Ни моя группа захвата, ни подкрепление. Ни те службы, которые должны были отследить его побег из дома по всем дорогам и тропинкам. Так у них все и повисло. Мне сунули в зубы какую-то сумму за инвалидность, полученную при исполнении. Поблагодарили и попрощались.

Может, у меня паранойя или мания величия, но я анализирую все непрестанно, во сне и наяву, и получается у меня только одно: то была операция по выведению меня из строя навеки. Убийство бы расследовали, а ошибку информаторов, мой собственный и сугубо добровольный подвиг по спасению – это отличный и сказочно подлый план. Враги? Да, у меня их было предостаточно. Но для такого плана требуется одна существенная деталь: сообщник врага среди соратников. Можно сказать, у меня еще есть мотив для существования. Я должен это узнать.

Зинаида

Когда подружки начинают при мне свиристеть про любовь, я сразу говорю:

– Я вас умоляю. Вы о чем? Свидания? Подарки? Классный секс? Свадьба – зашибись? Мужик – кормилец и вообще, как за каменной стеной? Да я видела ваших шибздиков. Рядом с моим никто рядом не встанет. Красавец, под два метра, герой-полковник. Бабы штабелями даже на улице падали, а он выбрал меня. И не жадный, хоть и не добытчик, конечно. Для дочери ничего не жалел. Для меня – по-всякому. Дело в том, что бабы штабелями падали и после нашей свадьбы. А я не следователь-командир, как он. Я не могу вычислить, он на самом деле в засаде или в чьей-то постели. Но и это не беда. Допустим, это еще

любовь. А вот когда тебе надо за ним горшки выносить после ампутации? С ложечки кормить? А потом он возвращается в квартиру, сидит в своем инвалидном кресле и следит только за тобой за неимением других объектов. Это как? Любовь? И когда вы, наконец, круглые сутки нос к носу и понимаете, что ни в чем ни на миллиметр не сходитесь – ни во вкусах, ни во взглядах, ни в интересах и желаниях. И при этом он, можно сказать обрубок, остался каким-то невероятным образом красавцем и сохранил мужскую силу. А я иногда на стенку лезу от желания или похоти, уже сама не знаю. И все получается в постели. Только я ему противна. Вы это понимаете? Я на двух ногах, еще в теле, слежу за собой, не замухрышка какая-то. Но ему на меня тошно смотреть! Это любовь? Это каторга, скажу я вам. Такая, которая никому и не снилась.

Я вообще честный человек и все говорю прямо. Не такая образованная, как Сеня. Он вроде вундеркинд с детства был. До того, как в следаки подался, где только не учился – и на юридическом в университете, и на психологическом. Потом решил, что путь ему только в герои. Ловил бандитов, ходил весь такой непобедимый, – и вот вылез без ног. Подвиг он совершил – каких-то нелегалов из огня кинулся тащить. Больше же некому. Там народу была уйма, и никому такое в голову не пришло. Правда, говорят, там на него засада была, стрелок ему ноги прострелил. А если бы не полез, то и не прострелил бы. Мы на эту тему несколько раз начинали говорить, но тут всегда одно и то же. Настоящая ненависть между нами возникает. Кого еще ненавидеть Арсению, кроме меня? Бандитов в квартире нет.

Я теперь единственный в доме работник, заведую небольшим салоном-парикмахерской. Арсений, конечно, у меня не иждивенец. Он ведет дела по интернету, консультирует, даже в каких-то расследованиях помогает, если просят. Зарабатывает нормально. Но я-то целый день в заботах, потом по магазинам, прихожу домой – там другой рабочий день: уборка, стирка. Катя, дочка, учится в театральном. И она тот еще фрукт на ветке. Меня, кажется, презирает как примитивный элемент. Отцу, мне сдается, не может простить его увечье. Потому, наверное, и выбрала театр и кино, что там можно увидеть и изобразить то, чего в нормальной жизни сроду не бывает.

Считаю, что только я в семье имею право на полный контроль за деньгами и всем хозяйством. Нашу трешку, в которой мы живем, Арсений сразу после больницы переписал на меня, чтобы удобнее было. Но у него есть еще одна квартира, она была у него до нашей свадьбы, мы там даже немного пожили, пока он эту не купил. Так вот он не только не отписал ее мне, но даже ключи не

дает. Сама не знаю, почему мне так хочется ее продать. И сразу деньги потратить: машины новые купить себе и Кате, куда-то съездить с шиком отдохнуть по очереди или вдвоем: Арсений сам справится, если продуктами все забить.

Нет. Вру. Я знаю почему. Если у Арсения кто-то был, – а у него точно кто-то был, – то он водил ее в эту квартиру. И мысль у меня почти сумасшедшая: он продолжает прятать от меня даже ключи, потому что мечтает туда свалить. Может, и не один. Может, и ждет его кто-то: маньячек полно на этом свете.

Ладно. Катька дверь открывает, надо ужин ей подавать. У нее сегодня день морепродуктов – для фигуры и чего-то еще. Вчера был день капусты – для груди. И так по расписанию, которое она повесила на стенке в кухне. Дети – они ведь геморройные от сосок-пеленок до мужа-козла, который, даст бог, польстится на ее капусту и увезет в свою квартиру. Того, который у нее есть, я к ночи даже поминать не стану. Каждый день молюсь, чтобы он ее бросил. Я бы хотела, чтобы Катя уехала в другую страну. С расстояния и начинаются нормальные отношения детей и родителей, я считаю. Будет ездить в гости и возить подарки. А я – к ней. Она вообще добрая девка, только очень замороченная. Иногда мне так хочется вцепиться в нее всеми пальцами, ногтями содрать всю эту наносную шелуху. И достать, выцарапать из нее свое родное дитя, которое даже в школе пахло моим молоком. И сейчас иногда, как разлепит утром сонные глаза, махнет ресницами – я такие в салоне наклеиваю клиенткам, а у Катьки свои, как у отца, – так просто схватила бы ее на ручки, чтобы она шепнула «мама». Но не дай бог до нее дотронуться, она сразу фыркнет и скажет: «Ма, отстань, я же не умылась, зубы не почистила. И вообще я проспала». Может, я и ей противна. Как и всем в этом доме – на три разных чертовых мира.

Екатерина

Я стараюсь приходить домой как можно позже. В детстве я бежала на запахи и звуки родного дома. Мне так был нужен радостный, всегда немного взвинченный голос мамы. Я млела и балдела, когда папа поднимал меня чуть ли не под потолок на вытянутых руках над своей головой. От мамы не требовалось быть умной. От папы я не ждала телячьих нежностей. Я получала от родителей столько, сколько мне было нужно. Мамина забота, ее, как она говорила,

«вкусняшки» и «обнимашки». Мне кажется, это стало основой моей уверенности в себе. Я достойна любви и внимания. Я приятна в физическом контакте. «Ты пахнешь, как мамин цветочек», – говорила она. Вроде полная ерунда: какой такой мамин цветочек, – а так грело. Папа был истиной в высшей инстанции. Он мало бывал дома, очень редко говорил что-то, кроме самых простых вещей. Но с тем большим интересом и вниманием я ловила каждую его мысль, серьезную взрослую информацию. Это не было рассчитано ни на то, чтобы вызвать у собеседника удовольствие, ни на обсуждение, ни на воспитание. Это просто было так. Иногда очень тяжелые и глубокие вещи, которые я прятала в своем сознании, чтобы когда-то понять их самой. Интеллектуальный контакт с папой – а он был именно таким с детства – стал для меня стимулом думать, понимать, искать, не верить в навязанные догмы и к любым выводам приходить самостоятельно.

Валера как-то сказал, что я самонадеянна и часто невыносима. И смягчил: «Но это компенсируется твоим обаянием и нежностью, так что я потерплю. Если совсем честно, терплю с удовольствием». Валера… Мой бойфренд, у которого есть жена и ребенок. Он старше меня почти на двадцать лет. И я точно знаю, что с первых минут знакомства поразило и пленило меня. Валерий Смирнов – режиссер второго фильма, в котором я снимаюсь в небольшой роли. Он долго ходил по театрам и искал «незамыленную и не примитивную» исполнительницу, как сам потом сказал. Когда он выбрал меня, я была так счастлива, будто мне сразу «Оскар» дали. Валера – и есть «Оскар» судьбы. Только мне его не удержать: руки слабоваты. Да и не борец я с чужим ребенком и его матерью. Я не верю в счастье, добытое такой ценой. Собственно, никто мне ничего такого и не предлагал, и отношения наши далеки от сладкой идиллии. Но я и к этому была готова, благодаря родителям. Женщине трудно любить умного и сильного мужчину, но она в эту тяжесть впивается изо всех сил, чтобы не упустить, чтобы не забрали. Потому что другой вариант кажется падением. Так даже с моей мамой, которой, конечно же, было бы в тысячу раз комфортнее жить с покладистым, туповатым тюфяком. Как у ее подруг. То, что мама всегда испытывала к папе, мне казалось сплавом любви, ненависти, ревности, а теперь и раздражения. Он стал калекой. Мы смотрим на него сверху, а он по-прежнему настолько выше нас. А оттого, что не за кем больше следить и охотиться, папа иногда смотрит подозрительным взглядом даже на меня. На маму он вообще старается не смотреть.

Вот почему я прихожу домой поздно. Я по-прежнему люблю запах и родное тепло нашей квартиры, но теперь мне больше всего нужна тишина. Мама зевает, подавая мне ужин. Ей очень рано вставать. Она спрашивает, как дела, я коротко

и формально отвечаю. Тему Валерия мы по вечерам обходим. Она для мамы слишком болезненная, для нее нужны дневные силы, эмоциональный запал, который еще не весь израсходован на алогичные и бессмысленные претензии к отцу. В тот момент, когда мама, прощаясь на ночь, прижимается горячим лицом к моему уху, я люблю ее, как прежде, искренне желаю спокойной ночи и очень хороших снов.

Папа… Он всегда, в любое время ночи, что-то пишет или ищет по своему ноутбуку. Тишина в его комнате такая сосредоточенная, напряженная, густая и продуктивная, что мне хочется раздвинуть ее, как заросли в глубокой чаще, и увидеть тот свет и ту разгадку, которые ищет он. Я говорю:

– Привет.

Он отвечает:

– Доброй ночи. Рад тебя видеть.

И наши взгляды убегают, прячутся, скрываются, как будто мы боимся наткнуться на что-то острое или, наоборот, нечаянно ранить или испугать друг друга. Я боюсь своих пошлых и банальных вопросов типа – как здоровье, ты в порядке? Еще больше меня пугают его возможные ответы. К примеру, жестокая шутка: «Ноги устали». С ним такое бывает. Он, мне кажется, уверен в том, что я испытываю к нему только брезгливость, что он превратился для меня в неподвижный, мешающий, лишенный смысла предмет. Мы похожи в том, что он никогда не уточнит и не спросит напрямую. Я не стану опровергать непроизнесенные обвинения. А в их контексте слова любви и тревоги прозвучат фальшиво. Оказавшись в четырех стенах, мы отброшены друг от друга в запредельно разные миры. Мы сейчас ничего не знаем друг о друге. Мне иногда так нужен его совет, просто мнение, но где мои глупые переживания и страдания и где его великое горе. Это так несопоставимо.

Я что-то рассказала о сегодняшнем дне, о съемке. Интересно: маме я говорила примерно о том же, но совершенно другими словами. Я теперь все адаптирую для ее уровня. Она осталась моим теплом, но я продолжаю тянуться к высоте папиных мыслей и понимания. Я уже повернулась, чтобы уйти к себе, и вдруг это произошло… Папа произнес:

– Извини, Катерина. Я хочу тебе сказать одну вещь. Когда речь идет о личной жизни, любви, не существует преступлений, основанных на нарушениях догм так называемой общественной морали. Есть нормы порядочности, но общественная мораль – это демагогия, фальшь и лицемерие, ибо у разных людей разные сердца и мозги. Женщине не нужен муж, который любит другую. Ребенку легче и приятнее встречаться со счастливым папой, который живет в другом месте, чем наблюдать войну между самыми близкими людьми. Порядочность – это достойно принять испытания, решиться на перемены. И главный критерий, который определяет все для тебя, – твое собственное доверие. Если есть тень сомнения в надежности избранного человека – тут же делаешь шаг назад. И даже бежишь через боль в другую сторону от перемен.

– Я в шоке, папа. Тебе мама обо мне рассказала?

– Нет, конечно. Я не стал бы выслушивать никого, кроме тебя. Даже жену. Мы живем в одной квартире. Я не хожу, но я слышу и вижу. Я все еще в какой-то степени следователь и всегда отец.

– Боже! – Я бросилась к папе и встала на колени рядом с его креслом. Какая у него теплая, большая, сильная, красивая рука. Я прижалась к ней губами.

– Папа. Я ничего не знаю о нас с Валерием, но я сейчас так рада. Мы с тобой вроде какую-то границу перешли. И встретились. И твои слова… Я как будто нащупала точку опоры.

– Мы это сделали, – серьезно ответил папа. – Добро пожаловать, дочка, в мой перевернутый мир. Не самое уютное место, но и в нем бывают открытия. Я сейчас понял, что и счастье есть. Я люблю тебя.

Я только всхлипнула. А ответила уже в свою подушку:

– И я тебя люблю, папа. Так сильно, что мне больно об этом думать и страшно сказать. Мне жалость разъела сердце и язык. А тебя жалеть нельзя. Для тебя это унижение. Ты не простишь.

Часть вторая

Алиса

Я поработала пару лет учительницей в обычной школе. И мне этого опыта хватило, чтобы сделать два верных вывода. Первое: воспитание – это мое. Второе – я могу быть только руководителем. Никакая другая баба не будет строить из себя моего командира. И примечание: нормально работать – это не принудительные, копеечные работы в муниципальной школе для всех. Мне нужна небольшая частная школа для избранных учеников, точнее, их родителей. А это все, вместе взятое, – сложный и непрямой путь.

Мы уже были пять лет женаты с Валеркой. Коля ходил в садик. Сбережений ноль. Валерий мог отказаться от дорогого заказного проекта и влететь в свое кино не для всех, на которое иногда тратил гонорары, полученные за другую работу.

Подруга Надя мне давно плешь проедала:

– Аля, для женщины с твоими потребностями и планами такой брак – вообще не вариант. Я знаю эти взлеты и падения гениев, неважно, признанных или нет. Только им самим это в кайф. А жены и дети – всегда жертвы. Безденежье, зависимость, а в результате обязательно бросит ради какой-то музы. Посмотри на меня. Я тоже люблю кино про любовь, но мужа я искала с помощью собственных мозгов. Мой Паша – не красавец и не гений. Я вижу, что ты смотришь на него как на прошлогоднее дерьмо. А он, между прочим, пользуется успехом у баб. Потому что многим понятно, что депутат со связями и всякими возможностями – это достойная и полная жизнь для его семьи. Это заграничные университеты для детей, это отдых в самых лучших местах. Это тупо деньги и тряпки. Или не надо, скажешь? Лучше питаться любовью?

Надя – моя единственная подруга, потому что она простая, прямолинейная, нежадная, независтливая и намного глупее меня. Это очень важно – знать, что человек, который в курсе твоих дел и проблем, не придумает, как что-то использовать против тебя. И, наоборот, ничего не заподозрит, если ты немного используешь его. Ничего такого, что причинило бы большие неудобства или переживания. Просто зачем пробивать какую-то стену собственным лбом, если

твоя подруга уже ее пробила? Надо просто войти.

У меня обыкновенная внешность. Для того чтобы придать ей шик и блеск, нужны большие деньги. Как у Нади, к примеру. Мне пролезть на поле охоты за депутатами, чиновниками и бизнесменами не дадут стаи моделей и проституток. И речь только о тех буграх, у которых традиционные пристрастия. А это сильно не сто процентов. Я бы и за пятьдесят не поручилась. Знаю, о чем говорю, поверьте. В качестве намека: с детьми работаю.

Короче. Надин Паша – приземистый, пузатый и потеющий – стал моим билетом в другую реальность. Он ко мне привык, всегда внимательно выслушивал. Иногда даже спрашивал совета в каких-то делах. Явно считал меня умнее своей жены. Может, и вообще самой умной. А когда я будто бы в шутку затеяла невинный флирт – длинные взгляды, по плечу погладить, по колену хлопнуть, – он как-то стал напрягаться в моем присутствии. И однажды после Надиного дня рождения в сильном подпитии повез меня домой. Но не проехали мы и трех метров, как он сообщил, что у него есть отличная квартира, где в спокойной обстановке можно продолжить нашу интересную беседу.

Валеры, как обычно, не было дома, для Коли я вызывала приходящую няню. А Надя сладко спала после бурного вечера с выпивкой и подарками. Никто и не заметил, что мы выпали на три часа. Для Паши это был технический предел, условно говоря, любви.

А после трех-четырех свиданий у него ко мне возникло почти родственное чувство. Надя никогда не узнает о моем благородстве: увести ее мужа я могла бы с легкостью. Другой вопрос, что он мне в другом качестве сто лет не сдался. Наша вялая связь тянется до сих пор.

Я уже десять лет директор небольшой частной школы для детей состоятельных родителей, которую назвала «Наш Оксфорд». Паша, конечно, изначально был моим спонсором. Он не из тех, кто заблуждается в причинах привязанности к нему женщины. А потом он придумал такой удобный и хитрый благотворительный фонд под нашим управлением, что и сам внакладе не остался. А Надя была в восторге оттого, что ее муж помог ее лучшей подруге. К слову, я не разрушила ее женское счастье. О том, что два раза в неделю она встречается со стриптизером, похожим на манекен из магазина спортивной одежды, я знала давно.

А когда ушли из жизни лишения и униженность, я поняла, что влюблена в своего Валеру, как в первые годы, когда не могла поверить своему везению. Меня до сих пор в дрожь бросает, когда внезапно посмотрю на него. Худая, но какая-то бьющая горячим ключом фигура, необыкновенное лицо с узкими, карими, как будто чуть прищуренными глазами. В каштановых волосах уже серебряные пряди, отчего Валера, на мой взгляд, стал совершенно неотразимым. Так бывает только с красивыми мужиками, они становятся еще интереснее и притягательнее с возрастом.

Любит ли он меня? Никогда не ставила так вопрос. Я один, первый, раз посмотрела на Валеру, а дальше просто брала его приступом. Я так старалась стать для него необходимой, чтобы у него не было шанса ни увернуться, ни подумать, будто это не так. Он держится со мной нормально, у нас теплые отношения, он ответственно относится к сыну – этого более чем достаточно. Смотрю на другие семьи – там иногда сплошное болото, и черти водятся. А у нас все путем. Тем более живем и отдыхаем как люди. Правда, ездим мы чаще всего только с Колей. Валера отдыха не признает.

Да, все хорошо. И что меня так мучает в последнее время? Одно впечатление. Подозрение. Я зашла в комнату Валеры, когда он по большому монитору на стене смотрел снятый материал. Задала какой-то вопрос – а он не слышит, оторваться от экрана не может. А на экране стоп-кадр. Он задержал одно лицо, какая-то неизвестная актриса, – и смотрит на него. Как будто изучает бурную и сложную сцену. Как будто все остальное для него не существует. Я стояла на пороге довольно долго. Ушла, а Валера даже не заметил, что я заходила.

Ночью я нашла в интернете все о фильме Валерия, актерах, которые у него снимаются. То лицо принадлежит даже не героине. Второй план. Она еще студентка, Екатерина Васильева.

Я не готова пока ответить себе на вопрос, появилась ли у меня проблема. Но ощущение, будто во многих мелочах муж изменился, есть. Существует ли связь – это нужно решить.

Коля

Маман пропихнула меня в МГИМО. Сначала хотела оправить в какой-нибудь Оксфорд или Гарвард. Эти названия у нее в ранге тараканов в голове. Но я сказал, что не собираюсь ни зубрить в такой степени язык, чтобы нормально с ребятами общаться, ни бросать то, что у меня есть здесь. Друзья, девчонки, наши места, развлечения. Мамин «оксфорд» мы пролетели с левой ноги. И дело даже не в том, что моя мать директор. За нас всех все решено и оплачено с рождения. Нет, за них всех, кроме меня. Но я, конечно, на эту тему не распространяюсь. Как вспомню свое «счастливое детство», так вздрогну. Отца вечно нет, мать постоянно злая и дерганая. Слипшиеся макароны, дохлые пельмени после садика, где в туалете бегали тараканы.

Все у нас вдруг изменилось, как в сказке. И только мой папаша – режиссер не для всех – может считать, что дело в мамином таланте организатора и воспитателя. Он и институт считает моей заслугой. Папа далеко не дурак, я бы даже назвал его умным. Но ему так удобно – не заморачиваться, что откуда берется. Я обожал те редкие случаи, когда отец приходил в школу. Он выделялся на фоне других отцов, как гость из будущего. Классный, сдержанный, загадочный. И многие его узнавали, особенно девчонки: они смотрят такое кино. Я всю эту интеллектуально-психологическую муть не люблю, но признаю ее право на существование в одном случае – на папином достойном и неповторимом уровне. У отца в этом смысле нет конкурентов – он слишком не похож на других.

Остальные отцы – это сборище папиков или наглых мажоров. И никто не знал, что мой «папик» появляется в школе в образе супер-пупер попечителя «Нашего Оксфорда» Павла Тихоновича Макарова. Для мамы он Паша, а я его вообще никогда никак не называю. Когда разговариваю, обхожусь без обращения. Ему, кажется, все равно. Я ему вообще сам по себе до лампочки, хотя именно он стоит за всем, что мама для меня выбивает и покупает. То, что этот Паша, надутый дымом пузырь, мамин любовник, я понял очень быстро. Примерно после того, как узнал, что дважды два – четыре. И я считаю, мать нормально все устроила. Мы с ней вообще неплохо ладим. В одном пока никак не сойдемся. Я хочу свою квартиру, причем желательно подальше от родительской. Не собираюсь там жить постоянно, но у меня должно быть свое место для встреч с друзьями и девушками. Всем нам будет только удобнее. Но мамаша жутко ревнива в отношении меня. Ей нужно видеть, каких я женщин привожу. Дошла до того, что сказала: «Я не против, если к тебе будет приходить девушка, когда мы дома. И даже оставаться на ночь».

Она не против! А мне такой цирк нужен? Мамин любопытный нос и чуткие уши. Папа с его взглядом на людей: «Это брак, вырезаем». Короче, я пока кое-что снял, но это не вариант.

Но в интересном месте, оказывается, снял. Приехал как-то вечером с Надей, подругой, паркуюсь у двора, а мимо проезжает машина отца. Я Надьку послал в квартиру с ключами. Сам, говорю, за сигаретами сбегаю. Прошел несколько домов – стоит папина тачка. А у нее он с девушкой. Попрощались, он ее в щечку поцеловал. Я одно унаследовал от отца: у меня глаз-алмаз. Увижу кого-то, сразу запоминаю. А тогда посмотрел на адрес дома и по-тихому свалил. А девушка… Как вам сказать… Это не Надька. Это вообще не наши телки. Волосы длинные, почти до талии, густые, вьются. Глаза… Я не мастер описаний, но если бы мне такую, хоть на час… но, видно, не с нашим счастьем. А ночь с Надькой прошла отлично. Я папину девицу себе представлял. Может, конечно, просто подвез, но я уже говорил: он не дурак. И мужик не совсем обычный. А мама… Я люблю ее, благодарен за все, но похожа она на продавщицу из галантерейного отдела, как ни крути. И ничего не помогает – ни тряпки, ни косметика. Да и Паша у нее или у нас с ней. Так что тут все справедливо. Но дорого мамаша заплатила бы мне за такую инфу. Может, даже квартирой.

Валерий

Я брюзга, неврастеник, перфекционист в маниакальной степени. Возможно, профессионально непригодный. Режиссер всю жизнь рассказывает о человеке. О том, как он отвратителен в своей красоте, как прекрасен в уродстве. Какое бедствие его любовь, каким утешением в безумном беге за иллюзией станет провал и окончательный крах – единственная возможность остановиться и наконец остро и ясно все понять.

Примитивно говоря, я должен любить человека, каждого в отдельности и всю толпу в целом. Но я не люблю даже своих актеров. Если все получается, я люблю их образы на экране. А это, наверное, самолюбование. Хотя за пределами монтажного стола и экрана я и себя не люблю. Только иногда, в своем самом уравновешенном состоянии (для многих это и есть напряжение нервов и бурление в мозгах), я допускаю мысль, что прав: видеть важнее, чем тупо блеять от нежности. Что понимать – это значит пройти по осколкам чужого,

отталкивающего, вывернутого наизнанку сознания. Что самый темный, жестокий и режущий собственные вены протест с проблеском крошечного, сурового, но вырванного из собственного сердца сострадания, – и есть любовь. Это, а не лубочная картинка, вбитая в слабые мозги и неразвитые эмоции. Да, понимание иногда возникает, но проблема человеческих отношений остается. Мне тяжело с людьми, ради которых я вроде бы живу и работаю. Я легче выношу любые рабочие столкновения, чем ежедневные контакты с женой и сыном. С Алисой, утратившей свою нежность, золотисто-бежевую мягкость и заматеревшей в уверенности и грубости крутой тетки, которая нашла способ выйти к приличным деньгам. Я соглашусь с тем, что это такой талант, но вычту все заработанные Алисой деньги из ее женского и человеческого образа. И у меня останется дешевая спекулянтка, которая дорого продает в том числе и то, что должна раздавать по долгу и призванию. Алиса – не просветитель, не воспитатель, не целитель робких душ. Она что-то вроде главаря то ли секты, то ли банды. И она бы очень удивилась, узнав, что я так подробно о ней думаю. В последние годы мы почти не разговариваем. Все свелось к нескольким отработанным дежурным фразам.

Сын Коля. Был когда-то прелестным пацаненком – и вдруг взрослый человек посмотрел на меня изучающим и подозрительным взглядом. И по каким-то фразам, реакциям я понимаю, что он начинен с головы до пят чужими и неприятными для меня качествами. Расчет, алчность, цинизм и с удовольствием растоптанная доверчивость. Впрочем, каждый имеет право выживать, как у него получается. Я допускаю свою вину или преступление в том, что мой сын никогда не искал у меня поддержки, совета, понимания. В самом сложном и мучительном возрасте взросления рядом с Колей была только мама, и от нее Коля узнал, что все двери открываются золотым ключом. Сейчас у него наверняка есть женщины, и он их, конечно, просто покупает. И это самое простое решение темы любви-нелюбви. Скорее всего, Коле повезло, что он не набрался моих сложностей и терзаний. Надеюсь, он это понимает и не держит зла.

Я выехал сегодня со студии в два часа ночи. Катя уехала на метро часов в одиннадцать. Я ехал медленно, пытался не думать о ней, потому что это бессмысленное занятие. Тот единственный случай, когда мысль сразу парализует желание каждого нерва ласкать ее образ. И что еще невероятнее – не на экране.

Звонок раздался с неизвестного номера. И мужской, незнакомый, требовательный и властный голос произнес:

– Валерий Смирнов? С вами говорит Арсений Васильев, отец Кати. Произошло несчастье: на Катю напали, она в больнице.

– Что случилось? Как? Кто? Что с ней сделали?

– Об этом потом, Валерий. Дело в том, что я следователь, правда, без ног и кабинета. И поверю только тому, что узнаю сам. Соберитесь, пожалуйста, это важно именно сейчас. Вспомните, когда она вышла, с кем, кто вообще перед ее уходом находился рядом. Кто мог испытывать к ней неприязнь… Да, и где вы были в это время – с одиннадцати тридцати до часу ночи. И кто вас видел… Прошу прощения. Но такова процедура.

Я, как зомбированный, отвечал на все его вопросы, чувствовал только боль в скулах, оттого что все кости и мышцы свело.

– Хорошо, – наконец произнес отец Кати. – В больницу вас сейчас не пустят. В ближайшие дни тоже вряд ли. Номер справочного телефона сейчас сброшу по смс. Я надеюсь на ваше понимание: когда нам всем станут известны подробности нападения, последствия, хотелось бы все обсудить до того, как вам придется отвечать на вопросы официального следователя. Здесь есть тонкости. К примеру, следствие может сразу направлять показания свидетелей к удобной им причине.

– Разумеется. Я приеду к вам, как скажете.

Как вылечить больные нервы, воспаленные мозги и постоянно ноющую душу… Наверное, только так, одним ударом, чтобы все уничтожить. И ты весь становишься просто страхом, одной болью, которую испытывает сейчас самое нежное тело. Ты весь – просто ненависть к тому, что увидели сегодня эти доверчивые, распахнутые навстречу радости глаза.

Часть третья

Под знаком беды

На Катю напали на улице, перед оградой двора их дома. Ударили по затылку тяжелым тупым предметом. Она упала, чувствовала, как по шее текут горячие струи крови, слышала мужские голоса. Они произносили грязные оскорбления, угрозы. Катя не потеряла сознание, но профессионально сыграла обморок. Сквозь опущенные ресницы она видела двух парней в куртках с капюшонами, надвинутыми на лицо. Как она рассказала Арсению в больнице, придя в себя, ей показалось, что они в какой-то момент испугались, что она мертва. Запомнила даже такой диалог:

– Смотри, у нее рука падает. Она не померла?

– Так она же теплая.

– Все трупы сначала теплые.

Кто-то расстегнул ей куртку на груди, кажется пытался нащупать сердце. Тут и появилась та машина, из которой вышел водитель и направился к ним. Налетчики убежали. Водитель Игорь Сергеев вызвал «Скорую» и полицию.

Арсений приезжал в больницу со своим другом и соратником – частным детективом Сергеем Кольцовым. Персоналу объяснил, что это просто его помощник в передвижениях. Жене Зине Арсений сказал, что ей незачем дергать девочку и рвать собственные нервы в больнице.

– Рыдать можно и здесь. Не отбирай минуты, в которые я с смогу что-то узнать и понять. Главное – их найти. Еще немного – и будет поздно.

И Зина послушно плакала дома. Она ничего не могла понять. Что-то такое все постоянно рассказывают, но она всегда допускала мысль, которую вслух не каждому скажешь. Такое случается с девицами, которые сами провоцируют, выставляются, вызывающе себя ведут. Поэтому с Катей ничего подобного произойти не могло. Она такая сдержанная, даже слишком отстраненная, чуть высокомерная с чужими. Тут что-то не так. И, насколько Зина понимала Арсения, он тоже думает, что это может быть не случайность.

– Ты их узнаешь, если увидишь? – спросил Арсений у дочери.

– Я очень старалась что-то запомнить. Сейчас в голове все плывет, но когда мозги встанут на место, я смогу, если увижу… Мне кажется.

– Ты моя дочь. Моя дорогая храбрая девочка. Все будет хорошо. Я говорил с заведующим: еще немного потерпи, потом мы заберем тебя домой. Он тоже, как и я, считает, что тебе полезнее всего домашняя обстановка.

– Папа, один вопрос. Валерий знает?

– Да, я сказал ему. Его просто пока сюда не пустят. Что-то передать? Твой мобильный мне отдали, чтобы тебя никто не беспокоил.

– Нет. Просто я подумала: а вдруг это как-то против него?

– Сейчас можно допускать любые варианты. Но лучше, если это будешь делать не ты. Пока. Тебе нельзя ни напрягаться, ни расстраиваться. Мы все взвесим, постараемся проверить. За дверью Сережа Кольцов, ты же знаешь, какой он профи и ковбой. Но за мысль спасибо. Я ничего не исключаю. Мы договорились с Валерием встретиться.

Валерий приехал к Васильевым, как только Арсений назначил по телефону время. Бросил все дела и только отметил по дороге, что мчится, как исполнитель по приказу режиссера. Другого, очень важного сейчас режиссера.

Все было странно, необычно, почти нереально у этих людей. Валерий никогда не думал ни о Катином доме, ни о ее родителях. А мог бы догадаться, что сложный набор мыслей, чувств, взглядов и принципов имеет начало и причины. Валерию никогда ничего не говорил термин, ставший в быту затертой банальностью: «гены». Без науки это слово можно набить чем угодно. Валерию ближе была теория исключительности и чуда. Он так любит свои редкие открытия. Вдруг из плотного тумана посредственности выходит под свет софита яркий талант, редкий инструмент природы для передачи своих главных задач. Валерий – тот режиссер, который способен отступить на второй план и подарить актеру степень и первенство гения. Или является женщина из пены банальности, примитива, навязчивого сходства всех со всеми. И она одна. О сходстве, предсказуемости, простоте нет и речи. Ее, возможно, никогда не понять, но она

твоя. Да, Валерий думает, что такая женщина встречается реже, чем гении. Он даже не знает пока масштабов таланта Кати, может, не нашел для нее роли. Но он оценил сокровища редкой искренности, безусловной естественности и осознанной, почти суровой избирательности. Это все до и после щемящей и томительной притягательности – он даже не знал. Самородок был цельным. Как будто ниоткуда, ни от кого.

И вот перед ним человек, которого никак не определишь стереотипом «отец». Не папаша точно. Выразительное сильное лицо, крепкий, тренированный торс, крупные, какие-то умные руки. В сочетании с инвалидным креслом, с пустыми местами вместо ног от колен, прикрытыми пледом, это производит фантастическое впечатление.

– Рад встрече. – Арсений пожал Валерию руку и показал на стул рядом. – Понимаю ваш шок. Я просто немного затянул. С протезами все будет выглядеть иначе.

– Вы ошиблись, – спокойно ответил Валерий. – Я, наверное, выгляжу немного растерянно, но по другой причине. Никогда не видел такого папу. Как режиссер говорю.

– Да, папаша я никакой. И в том, что случилось с Катей, в первую очередь ищу свою вину. Я всю жизнь ее ищу, когда с Катей что-то не так. Сейчас Зина принесет нам выпить, и мы поговорим – каждый о своей вине.

Мать Кати была до ужаса банальной. Валерий не мог ошибиться по поводу взгляда, которым она его обдала как кипятком. Это ненависть и подозрительность. Вот уж кто наверняка обвинил его во всем. Здороваясь с Зинаидой, он встал, держа руки по швам. О рукопожатии не могло быть и речи. Зина поставила на столик поднос с бутылкой виски и стаканами и вышла. Валерий мысленно поместил рядом с ней образ своей жены. Да, это люди из одной массовки.

Разговор с Арсением был долгим и очень напряженным. Версию Кати о том, что нападение на нее было местью за что-то Валерию Смирнову, они обсуждали подробно и серьезно. Валерий на самые неудобные вопросы отвечал как под присягой.

– Один вопрос, – сказал он в конце беседы. – Вам понятно: Катю хотели напугать или убить?

– Это важный вопрос. – ответил Арсений. – Его мы будем обсуждать утром с профессионалами. Приедут мои друзья, уже с материалами дела – заведующий отделом по расследованию убийств Земцов и частный детектив Кольцов. Экспертиза поможет установить, было ли это покушением на убийство. Объясню кое-что, чтобы вам было понятно. Я лишился ног в результате большой, продуманной операции, которая от начала до конца была кем-то спланирована как ловушка для меня. И мы до сих пор в этом не разобрались: я должен был погибнуть или именно стать калекой. Так что рассматривается версия и мести мне. И вновь вопрос: Катю хотели убить или сделать инвалидом, как отца?

– Случай с вами не расследовали?

– Дело именно в этом. Не было такой возможности. Начальство устроил вывод: ошибка операции. Он закрыл все, в том числе мою судьбу.

Семья

Валерий, конечно, в реальной жизни всегда немного посторонний, но конкретного знания у него немало в самых разных областях. Сценаристы ему приносят свою фантазию, сюжет, цель и общую мысль, а достоверность в деталях – забота режиссера. Он всегда должен знать больше сценариста. Успех в его уверенности. Для кино Валерий интересовался психологией на ее самом профессиональном уровне, криминалистикой, реальным положением вещей в поле событий. После беседы с Арсением он возвращался домой с тягостным чувством предопределенности. Вся правоохранительная рать похоронила правду о ловушке и расправе над своим, нужным и сильным человеком. Им оказалось удобнее всего замуровать его в инвалидное кресле между стенами. Чего тогда можно ждать от расследования нападения на обычную девушку? Валерий просто слышал самый универсальный и подлый довод: вы представляете себе, сколько хулиганов за день нападают на девушек, которые возвращаются пешком от метро домой? Тем более поздно вечером. Мы, конечно, ищем, но… И не возразишь. И отмести этот простой вариант невозможно. Это случайность. Скотам было все равно, на какую девушку напасть. Цель – то ли изнасиловать, то

ли ограбить, но помешал свидетель. И, возможно, им всем лучше забыть о прискорбном случае навсегда, оттащить Катю даже от воспоминаний. Вряд ли повторение возможно.

Он очень постарался успокоить себя, но тревожная мысль помешала: почему они ее оскорбляли, за что угрожали… Катя ему может не повторить их слов, но Арсений и следователь, наверное, знают.

Валерий медленно прошел двор, посмотрел на освещенные окна квартиры. Как бы ему хотелось, чтобы жена и сын уже спали, но в их доме всегда поздняя жизнь.

Из кухни пахло чем-то жареным. В гостиной сидел в кресле Коля в своей любимой позе – ноги на журнальном столе, на коленях ноутбук, смотрит одновременно в него и на плоский прямоугольник телевизора на стене. На этот стол Алиса обычно ставит ему ужин. Валерий с женой едят за другим столом. Алиса как педагог считает, что общность семьи может иметь разные, и демократичные, и скрытые, формы. Пусть все занимаются своими делами, пусть даже не общаются, но они сохранили главную традицию общих ужинов. «Нет для людей ничего важнее еды, – говорит Алиса. – И нет ничего более домашнего, сближающего». Валерий не спорит, ничего не исключает и старательно скрывает, как ему хочется взять тарелку и уйти к себе. Семейная общность – это, конечно, неплохо, но контакт с самим собой, время размышлений и поисков ответов на самые острые вопросы важнее.

Коля так увлеченно смотрел на монитор, что, кажется, не заметил отца. Впрочем, здороваться-прощаться с родственниками, живущими рядом, он считал нелепостью. По телевизору громко что-то обсуждали неприятные и неестественные голоса. Валерий взял с Колиного столика пульт и выключил звук. Взглянул на монитор ноутбука. И сразу увидел фотографию Кати. Коля читал новости и обсуждения на странице поиска «Нападение на актрису Васильеву».

В комнату вошла Алиса, улыбнулась мужу и поставила поднос с едой на стол Коли.

– Добрый вечер, Валерик. Ты мыл руки? Сейчас подаю нам.

Валерий продолжал стоять рядом с сыном.

– Прости, Николай, мне просто интересно: ты так подробно изучаешь каждое происшествие или тебя интересует конкретно эта актриса?

Коля откинулся на спинку кресла и ответил с довольным, почти торжествующим выражением лица:

– Меня интересует конкретно эта актрисуля. А тебя? Тут пишут, что какие-то чуваки ее не поделили. А в другом месте, что не поделили тебя. Тебя другие актрисули, само собой.

– Коля, – строго произнесла вошедшая в комнату Алиса. – Что за тон? Какой мерзости ты начитался? Должен же что-то соображать. Девушка работает вместе с папой. С ней случилась беда. Валерий, не обращай внимания. Ты же знаешь, что в голове у ребят. Один стеб.

Валерий задумчиво стоял посреди комнаты, сделав несколько шагов в сторону от сына, как будто пересек границу.

– Алиса, извини, я не хочу есть. Устал. Что касается содержимого голов абстрактных ребят – не моя тема. Стеб моего родного сына такого качества, что это не то поле, на которое я мог бы ступить. Я к тому, что необходимый для семейной общности контакт состоялся. Спокойной ночи…

В своем кабинете Валерий долго пытался предупредить близкий взрыв гнева. Как здорово бы было вернуться и вмазать наконец этому обнаглевшему цинику! За всю жизнь пальцем не тронул, так и повода такого не было. Ребенок вырос рядом и стал неприятным, даже враждебным человеком. Но Арсений прав: всегда надо искать свою вину. В его ситуации больше для усмирения эмоций. У него не было возможности повлиять на сына, даже если бы он к этому стремился. Таков уклад их дома: здесь царят воля и решения матери. И ее любовь. Если это так называется.

– Валерик… – Алиса вошла почти бесшумно и обняла его за плечи, настойчиво глядя в глаза: – Не нужно держать зла на мальчика. Его можно понять: не очень приятно читать такое об отце. Это просто защитная реакция, такой протест.

Заметь. Я ничего не говорю о собственном положении в связи с этой историей и, скажем так, сплетнями. Но разве нам нечего обсудить?

– Точно нечего, – отрезал Валрий. – Ты сама произнесла слово «сплетни».

– Хорошо. Посиди со мной на диване. Хочу сказать еще одну вещь. Коля вырос из пеленок, детских штанишек, наших нотаций. У него есть девушка, с которой ему нужно где-то встречаться. Пока он снимает то тут, то там. Но я считаю, что ему нужна небольшая отдельная квартирка. Как ты думаешь?

– Никак, – пожал плечами Валерий. – Купи ему, если хочешь. Мое участие вообще может быть только теоретическим.

– Понятно. Ты ждешь, чтобы я ушла? Но я соскучилась. У меня редко бывает возможность даже сказать тебе это. Давай пойдем в спальню или я останусь здесь… Валера, я забываю даже твой запах… – Алиса страстно обняла мужа, стала целовать его лицо.

– Боже, Аля! – Валерий встал. – Ты просто ищешь выход из наших проблем. Но это не он, поверь мне. Такой ужасный вечер, я устал, угнетен, мне нужно побыть одному.

– Да, разумеется, – сухо произнесла Алиса. – Тебе нужно побыть одному. Не сомневаюсь, что ты сказал бы только это сейчас любому человеку. Любой женщине.

Валерий смотрел на дверь, которую жена закрыла с другой стороны, как на выход из их общего плена. Или вход на тропу войны.

Совет заговорщиков

Вячеслав Земцов, руководитель отдела по расследованию убийств, и Сергей Кольцов пришли к Арсению в семь часов вечера. Это самое напряженное время в салоне Зинаиды, домой она вернется не скоро. Сергей поставил на стол напитки из бара и пиво из холодильника. Земцов взял холодную бутылку пива и сразу

предупредил:

– Мы все в курсе, что я ни во что не лезу, на меня нигде не ссылаться. Я спокойно и неформально получаю информацию. Ну и, само дело, конечно, открыл дистанционно. В смысле мой программист открыл сайт того отделения. Там ничего нет, ни одной улики. Был дождь – во-первых, халтура – во-вторых. Полагаю, ничего личного. Так осматривают все подобные случаи нападений без летального исхода. Задавай, Сеня, свой вопрос.

– Ты его знаешь, Слава. – Улыбнулся Арсений. – Это могло быть неудавшимся покушением на убийство?

– Тут отвечу даже не приблизительно. В этой больнице немало наших жертв. С ней постоянно работает наш эксперт Александр Васильевич Масленников. Он осмотрел Катю, изучил рентген, томограмму. Место удара, предмет, которым он был нанесен, могли стать причиной смерти, если бы ударили с большей силой. Вопрос пока остается открытым – не хотели убить или неумелые исполнители, у одного из которых дрогнула рука. Орудие убийства не нашли. Мы тоже искали, но, конечно, уже с опозданием. Допускаю, что его могли унести, тем более испугались свидетеля.

– О чем вам говорит анализ угроз и оскорблений?

– О том, что нападавшие обладали какой-то информацией. Оскорбляли по женскому признаку – мат, угрозы насилия, «будешь знать, как с чужими мужиками спать». И другое: «Ты, ментовская сучка». Это на твою тему, Сеня.

– Значит, напали не случайно.

– Значит, нет, – произнес Земцов.

– Но мотивов получается больше, чем два, – сказал Сергей. – Если допустить, что первый – месть за связь с чужим мужем, а второй – месть отцу за какие-то разоблачения и посадки. Остается еще чье-то оскорбленное самолюбие, если Катя кому-то отказала. Его ревность. Остается мотив профессиональной зависти другой, обойденной, обиженной актрисы, не такой редкий случай. Если это заказ женщины или отвергнутого поклонника, то такие люди, как правило, имеют информацию о личной жизни жертвы. И на поверхности мотив мести режиссеру,

который, к примеру, обещал роль другой актрисе, а отдал Кате. Или другая актриса сама себя убедила, что будет играть. Там все сложно. Комок страстей. Нельзя исключать даже тот факт, что до Кати у Смирнова была другая пассия.

– Вообще-то да, – задумчиво произнес Арсений. – Я долго с ним говорил, а этот момент упустил. Вдруг кто-то был до Кати. К женам брошенные девицы редко ревнуют.

– Если бы была возможность проводить открытое расследование, то мы могли бы опросить и проверить большой круг людей, – заключил Земцов. – Но районный следователь дело собирается закрывать, полагаю, нам его не отдадут. Попробую что-то сделать с заключением Масленникова о вероятном покушении на убийство. Или пусть закрывают, а Сережа пороется вокруг. Если будет зацепка, поднимем все по вновь открывшимся обстоятельствам. Пока Кате нужно быть очень осторожной, ее режиссеру тоже.

Арсений разлил по стаканам виски, открыл на ноутбуке фотографию человека в парадной форме полковника с орденами на груди.

– Узнаете? Это Павлов. Тот, который был обвинен в ошибке операции со мной. Послал нас не просто по неправильному адресу, но по ложной информации. Обвинен и наказан. Перевели в отдел по борьбе с наркотиками. Был майором. Недавно стал полковником. Ну, вам вся эта игра понятна. Я о другом. Он люто меня ненавидел. Я посадил сына его жены от первого брака. Виктор Таран сидит до сих пор за убийство и разбой. Меня тогда не убивали, а калечили. Чтобы существовал и знал, за что. Катя могла тоже остаться инвалидом? Что сказал Масленников?

– Ты усугубляешь, Сеня. – произнес Сергей. – Такая изощренная, пролонгированная месть требует умелых исполнителей. Не сомневаюсь, что у Павлова они могут быть. Но… не с девочкой же так воевать. Не трави себя, не притягивай беду. Все обошлось. Слава богу.

– Я не получил ответа на свой вопрос, – настойчиво сказал Арсений.

– Не нужно быть экспертом, чтобы знать: в затылочной области находится мозжечок, – ответил Слава. – Он отвечает за координацию. Да, такая опасность была. Но люди падают навзничь на лед, и от удара тоже возможно повреждение,

вызывающее даже паралич. Мы говорим ни о чем.

– Я говорю о вирусе редкого паскудства, который поражает некоторые мозги. И это вы знаете не хуже меня. Разве мы не встречали людей, чья жизнь только злоба и ненависть? Причем встречали не только после преступления – на коленях и в наручниках, но и сверху – среди соратников. Майорова помните, который во время допросов придумывал такие пытки, что мы сами не могли поверить? Пока не получили пару кусков мяса вместо людей. Он, кстати, уже вышел?

– Вроде да, – ответил Земцов. – По УДО. Сеня, еще раз прошу: не делай область наших поисков безразмерной. Мы не можем искать все зло на земле. Давай разбираться с фактами как профессионалы.

– Конечно, – улыбнулся Арсений. – Прошу меня понять и простить. Неподвижность питает подозрительность. Я вам очень благодарен за поддержку и этот наш маленький заговор во имя истины.

– Тогда честь имеем? – Сергей встал первым. – Кстати, у Смирнова есть взрослый сын. Может так любить папу, что… Я люблю новые знакомства, вы же знаете. Сроки нас не давят.

Когда друзья вышли, Арсений попытался глубоко вздохнуть, но сердце ударилось о камень застывших в неподвижности ребер… Даже мысленно не получается вырваться, помчаться туда, за ними, рассмотреть все, о чем они сейчас говорили… Всмотреться в лица, рожи, оскаленные морды хищников на двух ногах. Пойти по следу, найти по запаху… И, возможно, вынести свой приговор. Он всю жизнь поступал строго по закону, но закон его предал. Как и соратники по его охране.

Катю, наверное, привезут завтра. Нужно просто дождаться. В тепле и покое они вместе смогут во многом разобраться. Она оттает и вспомнит мелочи, которые ему помогут. Сейчас главное, чтобы еще какое-то время не возвращалась Зинаида, пока он вновь не спрячет в себе то, чего она не должна видеть, во что ей нельзя лезть. Но если Арсений еще на десять минут останется в одиночестве, у него закипит мозг. И Арсений набрал номер соседки Киры.

Соседи

Через десять минут Арсений открыл входную дверь и впустил крошечную щебечущую женщину, которая стала выпутываться из куртки, шарфов и платков. Так Киру укутывал ее муж Алексей. У него была мания: он больше всего боялся, что Кира простудится и заболеет. И Алексея можно понять, считал Арсений. Такая женщина, как Кира, может появиться на свет раз в тысячу лет и достаться человеку как награда.

Он не может на нее смотреть без улыбки. Ее на улице, наверное, принимают за подростка. Морщинки, проблески седины видны только с очень близкого расстояния. И тут же о них забываешь: так блестят глаза и все освещает радостная белозубая улыбка. Между тем, Кире немало лет, и личность она историческая.

Первый муж Киры был знаменитым ученым-физиком и еще более известным советским диссидентом Соколовым. Судьба – тяжелейший набор испытаний борцов за свободу: допросы, обыски, тюрьмы, психушки. Надорванное здоровье, все существующие лишения. И рядом, как единственная надежная, нерушимая опора, – крошечная жена Кирочка, которую великий Соколов когда-то полюбил за легкость, нежность и бесконечный оптимизм.

Именно Кира неведомыми путями и усилиями добивалась освобождения мужа на какое-то время… И, вероятно, сыграла не последнюю роль в том, что американцы обменяли захваченного советского шпиона на замученного диссидента Соколова. Кира привезла мужа в Вашингтон. Радовалась, как дитя, красивому большому дому, в котором они должны были жить, отличной лаборатории, в которой муж продолжит свои исследования, его месту профессора в университете. Киру отдельно принял президент США, чтобы поблагодарить за мужество и поддержку борца за свободу. Президент был очарован нежной маленькой собеседницей, которая умудрилась рассказать ему пару очень смешных эпизодов из их жизни-выживания.

А на следующее утро Кира всем объявила, что возвращается в Москву, в свою пятиэтажку. Она полюбила другого талантливого физика. Он в ней очень нуждается. С диссидентом Соколовым они, конечно, остались близкими по духу людьми. С Алексеем поженились, в этот дом переехали вместе с семьей Васильевых. Живут тремя этажами ниже. Когда-то Арсений, который был еще на

ходу, точнее постоянно на лету, подвозил на своей машине Киру по ее делам: она вечно доставала что-то особенно полезное для здоровья мужа. И они проговорили почти час. Арсений был пленен ее очарованием не меньше американского президента. Редкое или уникальное сочетание больших знаний с великой наивностью и доверчивостью, тяжелейшего опыта с безграничным позитивом и стремлением к радости… Арсений тогда занимался очень тяжелым расследованием и незаметно, непривычно для себя чем-то поделился. Кира мгновенно вникла в сложную ситуацию. Он был поражен логикой и простотой ее советов. Так и началась их дружба.

– Сеня, возьми эту сумку и вытащи из нее банку. Тут смесь всего самого полезного, не буду даже перечислять, поверь на слово. Это надо глотать по столовой ложке натощак. Можно и после еды. Можно вообще всегда. К примеру, ты проснешься, а спать тебе не хочется, – с невероятной быстротой произносила Кира своим звонким, почти девчоночьим голосом.

– Ты хочешь сказать, что в этой мешанине есть что-то снотворное?

– Ни в коем случае. У меня только то, что будит уставший мозг. А проснувшийся мозг может все, даже заставить человека спать, потому что это необходимо для восстановления.

– Понятно. Сожру все при случае. Обожаю твои эксперименты.

– Это не все. В пакете котлеты из индейки, фаршированные творогом с брынзой. Они еще теплые. Моему Алексею они не просто нравятся, он говорит, что от них рождается ощущение праздника. А мы с тобой их сейчас съедим на закуску. Выпить у тебя, конечно, есть что. Леша трезвенник, ты знаешь. Считает, что алкоголь вредит физике. Мне из выпивки нечего было тебе принести.

– Это есть. Поехали в комнату. То, что это вкусно, чувствую через пакет. Боюсь только, с ощущением праздника у меня может быть заминка. Ты же слышала, наверное, что у нас случилось.

– Я, разумеется, знаю все, что возможно было узнать. И в больницу звоню постоянно. Представляюсь то Катиной бабушкой, то двоюродной сестрой. Один раз даже представилась профессором Андреевым, то есть моим Лешей. Умею менять голос. Они не любят, когда один человек звонит дважды. Грубо

посылают. Так вот давай сразу скажу тебе главное: у тебя праздник. Даже до моих котлет. Твоя дочь жива, поправляется, все пройдет без следа. Мне сказали диагноз, я все прочитала о нем. Не смей гневить судьбу и притягивать несчастья. Ты понял, за что мы выпьем? Пусть наши будут здоровы и счастливы. А враги подавятся собственной злобой.

Поскольку прекрасный тост Кира протараторила в прихожей, в комнате за накрытым столом они сразу принялись выпивать и есть. Арсений достал еще коньяк, под него особенно хорошо пошла полезная бурда из банки. Ощущение праздника… Почему нет? В том виде, в каком оно у Арсения в принципе может появиться. Он даже в глубоком детстве никогда не визжал от беспричинного веселья, в подростковом возрасте не орал «ура» по команде, в самые спокойные времена не пел с друзьями задушевные песни. Он просто говорил про себя: это есть. Это я сделал. Это ко мне прилетело. И точнее Киры никто бы не сформулировал: сейчас к нему на минуту прилетело спасение из несчастья.

– Я видела, что к тебе приезжали симпатичные серьезные мужики, – сказала Кира. – Они ищут тех, кто напал на Катю?

– Пытаются. Поле поисков безразмерно.

– А как же мотив? – требовательно спросила Кира, которая читает детективы и смотрит все криминальные сериалы.

– Их тоже до фига и больше. В смысле, предполагаемых. А ты что думаешь?

– Я всего не знаю, но проверить Ваську с первого этажа не мешает. Сама сто раз слышала, как эта скотина обзывает Катю последними словами.

– Это еще что за дела? Я не знал. Почему ты мне раньше не говорила?

– Я сама видела, как Катя била ногами в его дверь. Он свою дочку постоянно избивает. Я тогда звонила в полицию. Они сказали: «Щас…» И до сих пор едут. Не стала тебе говорить, потому что у Васьки вообще есть для всех только последние слова. Не буду повторять те, которыми он называет меня. Самое нежное почему-то «жидовка». Ничего не имею против, просто я не еврейка.

– Это такой здоровый смурной тип? Всегда в бейсболке и заляпанных трениках?

– Точно! Он ремонтами подрабатывает. После того как его выгнали с работы то ли за воровство, то ли за пьянство. Жена Ольга – тормознутая курица. Я пыталась с ней говорить насчет девочки, пустой номер.

– Дочка маленькая?

– Маша – сейчас подросток. Лет тринадцать-четырнадцать. Я не видела, как он ее бьет, но слышала, как она кричит. Писала анонимку директору школы. Тоже результата ноль.

– Спасибо, Кира. Это неожиданно. Разберусь. Точнее, мы с тобой разберемся.

– У меня есть предложение: расскажи мне немного о том, что вы с суровыми товарищами обсуждали. Я никому, даже Леше, не расскажу, клянусь. Просто вдруг что-то в голову придет.

– Тебе можно… Все немного серьезнее, чем Вася с первого этажа.

– А не скажи. Никогда не знаешь, какое зло больше, какое меньше. Только на вкус и на ощупь.

– Ладно. Изложу очень коротко в общих чертах. Времени мало. Скоро Зинаида вернется.

– Тогда давай быстрее. Мы с ней в отличных отношениях, но раздражать бы не хотелось. Ночь на дворе, а я с ее мужем выпиваю.

Кира так хорошо слушала, что Арсений рассказал больше, чем собирался. Потом она влезла в куртку, поверх которой вновь замотала шарфы и платки.

– Такое впечатление, что тебе пешком идти через ледяное поле, а не спуститься в лифте на три этажа.

– Знаешь, мне не трудно все это напялить, а Леше спокойнее.

Кира коснулась сухими губами его щеки – вот кому не нужно к нему нагибаться – и выпорхнула из квартиры. Арсений вернулся к себе в задумчивости. Легкость отношения к трудностям бытия способна родиться из самого беспросветного мрака. Но только в одном случае: нужно быть Кирой. Без нее от ощущения праздника ни следа. Разве что съесть всю эту банку спасительного месива…

Часть четвертая

Возвращение блудного сына

Витя Таран, освобожденный по УДО по делу о разбое и убийстве «по неосторожности», как удалось убедить присяжных его адвокату по поводу человека, застреленного в упор из пистолета Вити, приехал в квартиру на Тверской, где жила его мать с отчимом Геннадием Павловым. Было четыре часа дня. На звонок никто не отвечал. Айфон Вити «не нашелся» в его личных вещах. Купить приличный новый не на что, да он и не помнит ни одного телефона без списка контактов. Витя пнул ногой дверь и сел на ступеньку у площадки. Павлов купил в этом доме четыре квартиры – две на этом этаже, две на верхнем. Соединил, наворочали ему тут всяких прибамбасов, а все равно обстановка несет солдатской казармой. Витя недолюбливал отчима, мягко говоря. Хотя, конечно, надо отдать ему должное: статья за «нечаянное убийство» и УДО – это его заслуга. Так попробовал бы иначе! Мамаша держит его в ежовых рукавицах. Это пара пустяков, когда знаешь все о делишках мужа – взятках и гулянках, об этих телках, которые у него постоянно меняются в штате. Секретарши, помощницы, да и уборщицы ничего, как Витя не раз замечал.

Витя устал. Он хотел есть, а еще больше выпить. Просторная кухня в квартире матери с огромными холодильниками и баром снилась ему этой ночью. А потом бы плюхнулся на шикарную кровать в своей комнате и проспал бы с недельку, вставая, чтобы пожрать и выпить. У Вити уже много лет есть своя квартира на Чистопрудном бульваре, но ключ у матери. Она домохозяйка. Но если не застал ее дома, считай – пропало. Как дорвется до своих салонов, бассейнов, хирургов, – за уши не оттащишь. Она – маньячка ботокса, переделки зубов, глаз, бюста и всего прочего. Витя сейчас не уверен, что узнает ее на улице. Павлов с

удовольствием все это финансирует, лишь бы к нему не лезла.

Витя пошарил в карманах, нашел какие-то мелкие деньги и отправился на поиски чего бы поклевать. Вернулся с бутылкой пива и шаурмой. Проглотил, прислонился к стене и даже всхрапнул, не теряя, впрочем, ощущения реальности. В этом смысле Витя – кремень. Он никогда не теряет бдительности зверя. Вот она, свобода. Встретили с цветами. Твоюжтымать!

И все же, видимо, он уснул слишком крепко.

– Сыночек! Ты вернулся, деточка? Что же ты не позвонил? – произнес над ним знакомый голос.

Витя, не поднимаясь, посмотрел на женщину, затянутую в кожу, с чернобуркой наперевес. Она несомненно была его матерью, хотя в другом месте он бы за это не поручился.

– Ты, мама, как всегда, блеснула умом. По какому предмету я бы тебе позвонил, интересно? Телефон у меня, конечно, сперли. А твой муж не мог тебе сказать, когда я приеду? Чтобы ты не улетела на метле, как будто в другой день невозможно. У меня даже ключа от своей квартиры нет, ты это помнишь? Хотел поехать взломать, но неохота, чтобы в первый день замели. Вы ж такие щедрые, что собственник моей квартиры Павлов.

– Какой ты стал нервный, – миролюбиво произнесла Валентина. – Я прекрасно тебя понимаю. Да, Гена забыл мне сказать, когда точно. Он ночью был в засаде. Но вставай, обними маму. Я сейчас все сделаю: ванну, ужин, постель приготовлю.

– Ладно, – поднялся Витя. – Перебьемся без обнимашек. Привет, мама. Как говорится, прибыл после тяжкой неволи твой блудный сын. Подавай ему, как положено, откормленного теленка. И все остальное, как собиралась. А у Павлова засада только на одну ночь? Может, и сегодня… Побыли бы с тобой вдвоем, комедию бы посмотрели, поржали, а?

Валентина

К Павловым ходили кухарка и уборщица. Но главные блюда Валентина никому не доверяла. В холодильниках и морозилках всегда был большой выбор любого мяса, включая дичь. Замаринованные куски лежали у нее в больших кастрюлях, чтобы сразу приготовить по выбору мужа. Он часто приводил товарищей. Найдется и «откормленный теленок» для Вити.

Валя налила сыну ванну с пеной, повесила большие свежие полотенца, халат. Поставила на стол напитки и приборы, бросила на сковородку с маслом крупные куски нежной, чуть подмаринованной телятины и включила индукционную панель на девятый режим. Посмотрела на часы: уже десять, Гена не звонит. Да, его так называемая засада может затянуться еще не на одну ночь. Конечно, Валентина при каждом удобном и неудобном случае дает мужу понять, как хорошо она видит его ложь, как все легко проверяется и как это ее оскорбляет. Но на самом деле она давно принимает свою семейную ситуацию исключительно как источник хорошего дохода и независимости. Не то чтобы Павлов сильно мучился чувством вины – там нет места для подобных тонкостей. Он просто очень хорошо знает, как обиженные люди могут использовать любой компромат. И жена для него в этом смысле не просто не исключение. Валентина знает о нем все или почти все. Она оказалась более умной и цепкой, чем ему думалось сначала. Но Павлов привык считать это ее достоинствами. Валентина не раз ему помогала советом в очень сложных ситуациях. А если он слишком перегнет палку, она воткнет ему нож в спину. Для Павлова это естественное развитие событий. Таким образом и возникли его обязательства перед женой, и они далеко не только финансовые.

«Я воспитала его, – в очередной раз думала Валентина. – Я приняла Гену, когда он был обычным рвачом, карьеристом без единого принципа и похотливым козлом без эмоций. Я почувствовала в нем потенциал. Он не стал ни праведником, ни трепетным возлюбленным, ни верным мужем. Но у него появилось что-то вроде понимания партнерства, долга, даже благодарности. Мне кажется, что он меня уважает и ценит. И он это подтвердил не только суммами прописью. Он поборолся за моего сына. И не только в плане срока и освобождения. Гена наказал главного врага Вити. А это дорогого стоит».

Валентина была довольна своей жизнью. Она родилась в коммуналке. Кстати, недалеко от их нынешней квартиры, жила там с мамой и бабушкой – коренными москвичками, учительницами. Из вещей в их комнате были три старых дивана, стол и большой книжный шкаф. Ни бабушки, ни мамы больше нет. Они просто

сгорели в битве за выживание. Мама успела подготовить дочь к поступлению в институт, конечно педагогический. К счастью, Валя в институте открыла для себя другую жизнь – ночные клубы, рестораны, пикники в садах загородных особняков. В отличие от многих подруг она не была любительницей веселья ради веселья. Валя прорывалась к другим горизонтам. Только не скудный быт, не тяжелая работа, не нищее прозябание.

Первая попытка прорваться к блеску и свету другой жизни обернулась болью и драмой. Ее первый любовник, мальчик-мажор, сын известного бизнесмена, мгновенно бросил ее, узнав о беременности. Еще и посмеялся над ее нелепыми усилиями его подловить. Валя изо всех сил за него цеплялась, даже пыталась шантажировать. Но для мажора это были комариные укусы. Он нигде не работал. Ему невозможно было испортить репутацию за неимением ее. Его достоинством были только папины деньги. А Валя упустила время и не сделала вовремя аборт. Родила в той же коммуналке. Умудрилась все же окончить институт, но в школу работать, конечно, не пошла. Находила надомную подработку до тех пор, пока Витю не взяли в ясли. Как только появилось хоть какое-то время, Валя первым делом вернула старых подруг и стала ездить на развлечения, как на самую сложную и важную работу. К Вите на ночь приходила дворничиха из их дома.

Валя не обладала красотой, на которую полетели бы принцы и миллионеры как мухи на мед. Потому, собственно, и Гена, который и сам из милости попал на одну гулянку у своего начальника. Павлов заметил Валентину, когда всех, на кого упал его глаз, разобрали. Она ответила взаимностью по той же причине.

Виктор вышел из ванной в белом пушистом халате. Здоровенный мужик, короткая безобразная стрижка, огромные ручищи, которые умеют стрелять и убивать, массивный подбородок, настороженные, сейчас немного потеплевшие глаза. И большие, розовые, оттопыренные уши, как у того малыша, которого никому не нужная Валя целовала, убаюкивая, прижимала к себе и чувствовала такое родство, что сердце рвалось и горело. Ничего подобного она не испытывала ни до, ни после.

– С возвращением, мой мальчик. – сказала она, поднимая бокал с шампанским. – Пусть все у тебя будет, как ты хочешь. И моя любовь всегда с тобой. Не забывай об этом.

– Я скучал по тебе, мама, – басом произнес великовозрастный неудобный ребенок.

А Валя все смотрела, как нежно и беззащитно светятся его смешные родные уши, и ощущала запах своего молока, терпкую сладость своей любви.

Павлов

Геннадий повернулся, просыпаясь, чтобы разлечься, как он любил, во всю ширину своей огромной кровати. Но в его голую грудь тут же воткнулся чужой острый локоть. В ногах запутались обтянутые кожей косточки, которые никак не могли быть ногами Валентины. Он приоткрыл глаза, так, чтобы это было незаметно, и стал рассматривать женщину, которая спала рядом. Черт подери, вчера вечером он уехал из загородного дома начальника и приятеля, где они бурно отмечали одну финансовую удачу, с красоткой, можно сказать. Вера сказала ему, что она студентка МГИМО и ей восемнадцать лет. Эти девицы всегда приходят со своими легендами.

Восемнадцать, как же. МГИМО – щасссс. У Гены богатый опыт, знаком, причем пару раз интимно, и с таким контингентом. Этих ни с кем не перепутаешь: понты, запах денег и очень часто знакомая фамилия – если не политика, то на худой конец полукриминального бизнесмена.

Когда Гена тискал в одной из спален приятеля Веру, на ней было короткое обтягивающее очень красивое платье, она в нем казалась такой тоненькой – талию пальцами обхватишь. Была даже мысль, что она прибавила себе возраст. А сама подросток, что его всегда возбуждало. Белые волосы были уложены мягкими волнами. Макияж яркий, но достаточно дорогой и не вульгарный. Трудно сейчас сказать, сколько литров спиртного было к тому моменту в желудке и крови Гены. Но он уверенно и гордо повел в свою машину принцессу из сказки. Он никогда не оставался с женщинами в квартирах и домах задушевных приятелей. Самым задушевным как раз и приходит в голову навтыкать в своих спальнях камеры. Чтобы при удобном случае шантажнуть или подсидеть. Гена в этом смысле и сам не без греха. Да какой тут грех – он просто не безоружен ни в каком случае. По отношению к своим руководителям особенно.

Короче, проснулся он, а все на самом деле как в сказке. Волшебная карета стала тыквой, то есть убогой квартирой с узкой неудобной кроватью. Принцесса – скелетом с вялыми капустными листьями вместо кожи. Из некрасиво открытого рта текут слюни, на щеках и шее кожа дряблая, тело пахнет плохим здоровьем и усталостью. Этой женщине далеко за тридцать в лучшем случае. Было ли ему хоть на минуту хорошо с ней? Гена точно знает лишь одно: все получилось, и не один раз. А все эти глупости – хорошо-нехорошо – он вообще не понимает. Есть потребность – надо брать.

Он посмотрел на часы, выбрался из-под тонкого, не слишком свежего одеяла, прошел в тесную и убогую, как все здесь, ванную. Как Вера оказалась на их гулянке – это даже не вопрос. Его приятель тащит к себе всех подряд. У Гены даже есть одно глубокое подозрение, что он панически боится оставаться наедине с собой. Нередкая болезнь для людей их профессии. Слишком много врагов и ловушек.

Геннадий брезгливо ополоснулся под душем, стараясь ни к чему не прикасаться, почистил пальцем зубы, потрогал щетину и нашел на заваленной барахлом полочке станок с безопасным лезвием. Даже побрился. Окинул взглядом собственный облик в его самом уязвимом голом виде. Не было в его жизни женщины, которой он показался бы красивым. Приземистый, немного кривоногий, с животом, бороться с которым никак не возможно. Да и лицо… Хотя в неплохие минуты Гене оно кажется мужественным. Он посмотрел в свои вполне красивые серые глаза и подумал о том, что никогда не влюблялся. Валентина была ему просто приятнее многих. А потом настолько подошла в человеческом плане, почти приросла. Но он не знал восторгов и терзаний любви.

И вдруг, то ли с перепоя, то ли от трехдневной усталости бессмысленного веселья в погоне за расслаблением, из груди вырвался хриплый вздох, почти стон. Эта острая боль там, где слишком часто и неровно билось сердце, была напоминанием о том, что Геннадий привычно и безуспешно лжет самому себе. Потому что томление и терзания любви были. Они со временем превратились в хроническое ощущение потери, неудачи, в источник боли, которую нельзя утолить. Можно лишь завалить большим количеством всего – денег, женщин, ярости и злобы.

Марина. Женщина наглого и зарвавшегося мерзавца Арсения Васильева. Геннадий впервые и увидел ее рядом с Васильевым. Она, журналистка, пришла к

ним в отдел по поводу материала об одном громком деле, а смотрела только на Арсения. Гена и сейчас видит, как смотрят на Васильева ее зеленоватые глаза, как они вместе уходят. Васильев идет по двору на своих длинных ногах, которых теперь нет. Марина в тот день так никого больше и не увидела, хотя народу в отделе было полно. Но Геннадий с ней вскоре встретился… Только вспоминать об этом уже нет никаких сил. Он быстро оделся, вышел, не глядя на спящую Веру, и поехал домой. Пасынок вчера вернулся. Наверное, еще у мамочки отсыпается, отъедается. Это хорошо. Валя при нем не станет выяснять отношения. Геннадия всегда удивляло, как сильно она любит сына. За что, казалось бы? Парень вырос чистым отморозком. Но, надо признать, Гена с ним тоже как-то сроднился. Виктор иногда так посмотрит, как будто все понимает без слов. И его не назовешь тупым бандюганом с отбитыми мозгами. Три поколения интеллигентных женщин что-то вложили в его голову. Другой вопрос, как он это использовал. Как посчитал выгодным, так и использовал. Гена очень рад, что его вытащил. Так угодил жене. Это отпущение его бывших и будущих грехов.

Часть пятая

Список Киры Соколовой

Кира встала, как всегда, в семь часов утра, вымылась горячей водой под душем, затем включила самый холодный режим, спокойно вынесла свою постоянную, давнюю и самую невинную из экзекуций. Затем прошла в банном халате в свою крошечную гардеробную, которую они с мужем устроили из ненужной им кладовки. И там тщательно оделась и причесалась, как для работы или приема. Черные шелковые брюки, водолазка цвета слоновой кости – у нее их семь на каждый день недели. Так встречает она каждое утро своего профессора Андреева. Любимого человека и преданного друга. Кира не предала свой первый, мученический, самоотверженный брак, их общую победу с диссидентом Соколовым. Она оставила его фамилию во втором браке. Леша – это совсем другая жизнь. Тепло, доверие и так поздно обретенные покой и счастье. Кира, правозащитница не по званию, не по занятиям, а по горячему велению души, постоянно ощущала вину перед менее счастливыми людьми, перед всеми

униженными и оскорбленными. Ее первый порыв в каждой сложной ситуации – помочь. Но приоритет, конечно, Алексей, его комфорт, благополучие и здоровье. Он сам не делает для себя никаких поблажек, работает напряженно, по много часов, как привык всю жизнь.

Кира пришла на кухню, приготовила вкусный и полезный завтрак, сварила кофе латте на козьем молоке, за которым бегала в один маленький волшебный магазин. Поджарила ломтики ржаного хлеба и сделала разные бутерброды – с вареным куриным мясом, яйцом и зеленью. Разложила их по нескольким разноцветным пакетам: это Леше с собой в лабораторию. Все упаковала в небольшую сумку, поставила туда же маленький термос с кофе. В этот момент Алексей всегда выходил к столу, уже умытый, побритый, в своем рабочем костюме.

– Доброе утро, милая, – говорит он всегда. – Как вкусно пахнет! Я бы мог что-то приготовить себе сам. Но я так рад тебя видеть. Только дай слово, что ты еще поспишь, когда я уйду.

– Конечно, – радостно отвечает Кира. – Когда ты уходишь, я не просто сплю, я нагло и развратно дрыхну. Это такое удовольствие. Да и время быстрее проходит. Встаю и начинаю готовиться к твоему возвращению.

Кира проводила мужа до порога, посмотрела в окно, как он, крупный, высокий, с богатой седой шевелюрой, идет к своей старенькой машине. Она приложила ладонь к губам, потом к стеклу. Это ему на удачу. Затем помыла посуду и вошла в их общий кабинет, включила компьютер, открыла новый документ и написала:

Список Киры Соколовой

Номер один – Вася.

Два – Валерий Смирнов и ревность.

Три – полковник Павлов, месть и сволочь. Сеня посадил его пасынка – козла и бандита.

Четыре – родня Валерия Смирнова.

Пять – бабы Смирнова.

Шесть – кавалеры Кати, которых она послала.

Кира откинулась на спинку стула. Оценила текст и произнесла вслух:

– Пока достаточно. Держитесь, гады, я пошла по вашему следу. Пока эти великие профессионалы будут строить заговоры, пускать собак и собирать отпечатки пальцев, я просто и прямо загляну всем в души.

Следующие несколько часов Кира занималась рутинной работой: искала в поиске биографические данные своих «фигурантов», семьи, места работы и учебы, имена, страницы в соцсетях, телефоны в аккаунтах, по упоминаниям в постах – иногда адреса.

Это самая привычная, почти научная работа. Когда есть информация, можно подумать, что с ней делать. Начнем, пожалуй, с Васи. Кира выглянула в окно. Вот как раз идет из школы его дочь Маша. Девочка худая, хмурая, бледная, за спиной большой неуклюжий рюкзак. Она уже не ребенок, чтобы ходить с ранцем, а нормальную сумку, как у старшеклассниц, ей, конечно, не купили. Маша, наверное, в седьмом классе, не меньше. Кира накинула куртку, натянула резиновые сапоги и выскочила на улицу, под пелену снега с дождем.

– Здравствуй, Машенька, – произнесла она. – Увидела тебя в окно и подумала, что сейчас время обеда, а мне одной неохота есть. Не зайдешь ко мне?

– Поесть, что ли? – переспросила Маша.

– Ну да. У тебя же сейчас дома, наверное, никого нет. И у меня муж на работе.

– А что на обед? – уточнила Маша.

– Сырный суп, – бодро отрапортовала Кира. – И на второе – курица с тушеной капустой. Еще есть мороженое. Если, конечно, у тебя не воспалены миндалины.

– Ничего у меня не воспалено, – сказала Маша. – Пошли.

В квартире Киры Маша сбросила на пол рюкзак, вылезла из куртки и направилась в кухню в грязных ботинках.

– Ты руки не помоешь? – спросила Кира.

– Нет, – отрезала Маша. – Они у меня чистые.

– Хорошо, – согласилась Кира. – Тогда к столу. Сейчас быстро разогрею. У меня есть апельсиновый сок. Выпьешь?

– Да. А где мороженое?

– Пока в морозилке. Сначала поешь.

Маша уплела обед с большим аппетитом. Съела мороженое из вазочки. Тщательно облизала ложку, затем пальцы.

– Фу-у-у… – выдохнула. – Наелась. Так я пойду?

– Посиди немного, сразу после обеда активно двигаться вредно. Давай поговорим, хочешь?

– Нет, – ответила Маша и посмотрела на Киру подозрительно.

– Странно, – удивилась Кира. – Ты не любишь разговаривать?

– Про что?

– Как дела у тебя? Как дома?

– Ниче, – ответила Маша, явно не собираясь продолжать разговор.

– Я просто вспомнила одну историю… – И Кира стала рассказывать про одну девочку, которую дома обижали и наказывали, а она боялась об этом кому-то рассказать.

Маша не дослушала и резко встала.

– Все, мне надоело, я пошла.

– Деточка, я же хочу, чтобы тебе было хорошо, вижу, что у тебя плохое настроение. Ты еще долго будешь несовершеннолетней, ты не можешь себе помочь сама.

– Отстань, – вдруг четко произнесла Маша. – Отвалите вы все от меня. Пристали. Папка меня не бьет, в детдом я не хочу. Он просто придурок, орет и кидает в нас с мамой вещи. И то когда пьяный.

– Боже, – прижала Кира руки к груди. – Бросает вещи? Какие?

– Не твое дело, – буркнула Маша. – Пошла на хрен. Меня из-за таких бабок уже к психиатру таскали.

Она вышла в прихожую, влезла в куртку, постояла, глядя исподлобья на Киру.

– Будете директору звонить? Про вещи рассказывать?

– Разумеется, нет, – произнесла Кира. – Ты, Маша, меня извини. Я поняла, что нарушила твое личное пространство. У меня нет опыта общения с детьми. Но я действительно пригласила тебя только на обед. О детдоме и психиатрах нет и речи. Даже не понимаю, как и у кого могла возникнуть такая мысль. В общем, заходи еще, как только захочешь. Я в это время всегда дома.

– Приду, – кивнула Маша. – А мороженое я люблю с вишнями и шоколадом.

– Какой у тебя чудесный вкус! – восхитилась Кира. – Обязательно поищу.

Она закрыла за девочкой дверь и глубоко вздохнула, как после тяжелой и неудавшейся работы. Тот самый первый блин, который комом. Но разве не из неудач рождаются победы? Если Вася – не злобный тролль, не жестокий мучитель и мститель, а просто выпивающий психопат, то, возможно, ему можно помочь. Между делом. Цель же – разгадать преступление против Кати. И список Киры Соколовой – путь к успеху.

Кира еще несколько часов просидела за компьютером и с телефоном. Получилось уточнить какие-то телефоны и адреса. Кира даже сделала несколько звонков, меняя голоса: сейчас никого не удивляют звонки по домашним и мобильным телефонам от миллиона фирм с предложениями. И мало кто удивляется, что представители фирм знают имена и фамилии. Все кому не лень торгуют базами данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/perevernutyy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить